

Содержание

Мэйдзин	5
Снежная страна	179

1

Двадцать первый Хонъимбо¹, мэйдзин² Сюсай, скончался утром 18 января 1940 года в японской гостинице «Урокоя» в Атами. Ему было шестьдесят семь лет по японскому счету³.

18 января и Атами легко увязать между собой. 17-го, за день до, там вспоминают писателя Одзаки Коё. В тот

---

¹ Название одного из четырех официальных домов го и одновременно фамилия. Дом Хонъимбо был основан в 1612 году, а закончил свое существование в 1940-м со смертью мэйдзина Сюсая. До сегодняшнего дня имя Хонъимбо используется как титул, разыгрываемый на турнирах. — Здесь и далее примеч. перев., если не указано иного.

² Мэйдзин — японский титул игроков в настольные логические игры, переводится как «мастер». В эпоху Эдо (1603–1868) и после возрождения го в эпоху Мэйдзи (1868–1912) — обозначение сильнейшего игрока девятого, наивысшего дана. Сейчас разыгрывается в турнирах. Дан (буквально «ступень») — мастерский разряд в го. Самый низший дан — первый, самый высокий — девятый. Ученические разряды в го носят название «кю» (буквально — «уровень») и измеряются от тридцатого к первому. За первым кю следует первый дан. Система данов и кю была разработана изначально для го, а затем уже стала применяться и в других играх.

³ По японской традиции отсчет лет ведется от зачатия.

день герой его романа «Золотой демон», юноша по имени Канъити, произнес на берегу моря в Атами известные слова «О луна, луна этой январской ночи»¹. А мэйдзин Сюсай умер на следующий день.

Ежегодно 17 января устраиваются разнообразные литературные события. В год смерти мэйдзина праздник проходил с большой помпой. Кроме мемориальной службы по Одзаки Коё, а также другим писателям, чья жизнь была связана с этим местом — Такаяме Тёю и Цубоути Сёё, — трем авторам, которые за прошлый год сочинили произведения об Атами — Такэде Тосихико, Осараги Дзиро и Хаяси Фусао, — вручали государственные письма от мэрии. Я также присутствовал на празднике.

Вечером 17 января мэр Атами устроил банкет в гостинице «Дзюраку», где остановился и я. А на расставе меня разбудил телефонный звонок — сказали, что умер мэйдзин. Я сразу же отправился в «Урокою», чтобы отдать последнюю дань уважения покойному, а затем вернулся в свою гостиницу, откуда после завтрака вместе с писателями и распорядителями торжеств мы отправились возложить цветы на могилу Цубоути Сёё, а затем — в слиновый сад, на очередной банкет в павильоне «Бусёан». Но там я не досидел до конца и снова возвратился в «Урокою», чтобы сделать посмертный снимок мэйдзина и проводить его останки в последний путь до Токио.

Мэйдзин приехал в Атами 15 января, а умер 18-го. Он будто бы приехал сюда умереть. Днем 16-го я навестил его, и мы сыграли две партии в столь любимые

¹ Одзаки Коё (1867–1903) — известный японский писатель-романист. Самым известным из его произведений стал роман «Золотой демон» (1897) о несчастной любви бедного студента Канъити к девушке по имени О-Мия. Его монолог, обращенный к О-Мия, был произнесен 17 января в Атами.

им сёги¹. Вечером мэйдзин почувствовал недомогание. Значит, эта игра стала для него финальной. Так вышло, что я вел репортаж с последней партии мэйдзина, я сыграл с ним последнюю партию в сёги и я же сделал его последний (уже посмертный) снимок.

Знакомство мое с мэйдзином началось, когда токийская газета «Токио Нити-нити симбун» (теперь «Майнити симбун») предложила сделать репортаж о прощальной игре мэйдзина, которую сама же организовала. Игра вышла совершенно беспрецедентной по размаху. Она началась 26 июня в токийском ресторане «Коёкан» в парке Сиба и завершилась 4 декабря в гостинице «Данкоэн» в Ито. Четырнадцать встреч двух игроков заняли почти полгода.

Мои репортажи появились в шестидесяти четырех номерах газеты. В середине августа мэйдзин заболел, поэтому партия прервалась на три месяца, до середины ноября. Его болезнь оказалась тяжелой и придала игре трагический оттенок. Может, поэтому партия и стала роковой: после нее мэйдзин не смог оправиться. Прошло чуть больше года — и он скончался.

---

¹ Сёги — популярная японская настольная игра шахматного типа.

2

Строго говоря, мэйдзин закончил игру в 14 часов и 42 минуты 4 декабря 1938 года. Последним был 237-й ход черных.

Как только мэйдзин молча поставил камень на свободное дамэ¹, судья, шестой дан Онода, спросил:

— Пять очков разницы?

Он явно относился к мэйдзину с почтением и сочувствием и хотел избавить его от необходимости заполнять нейтральные пункты, как принято в конце игры, чтобы не делать проигрыш в пять очков очевидным.

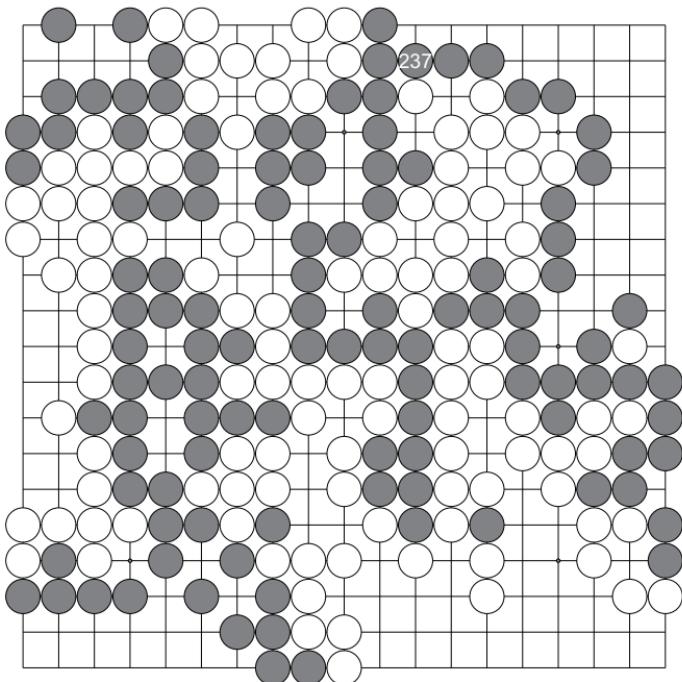
— Да, пять очков, — тихо проговорил мэйдзин и, больше не трогая камни, посмотрел куда-то вверх сквозь опухшие веки.

Никто из собравшихся не проронил ни слова. Чтобы развеять гнетущую обстановку, мэйдзин спокойно сказал:

— Не попади я в больницу в августе, закончили бы еще в Хаконэ...

---

¹ Дамэ (букв. «нельзя») — незанятый, нейтральный пункт на гобане (доске для игры в го).

Затем он спросил, сколько времени ушло на саму игру.

— Девятнадцать часов и пятьдесят семь минут у белых... без трех минут половина отведенного времени, — сказал молодой игрок, который записывал ходы. — У черных — тридцать четыре часа и девятнадцать минут...

Обычно в партиях го высокого ранга игрокам на обдумывание ходов отводят по десять часов, однако здесь время было увеличено в четыре раза — до сорока. И тем не менее, потратив тридцать четыре часа, черные поставили рекорд. Такое вряд ли случалось за все время существования регламента времени в го.

Игра закончилась без малого в три, и прислуга внесла закуски. Все молча рассматривали доску.

— Не хотите ли сируко¹? — спросил мэйдзин у соперника, седьмого дана Отакэ².

Молодой игрок седьмого дана по окончании игры только сказал мэйдзину: «Спасибо», а теперь опустил голову и сидел не шелохнувшись. Руки его лежали на коленях, лицо заметно побледнело.

Вслед за мэйдзином, собиравшим белые камни, седьмой дан принял складывать в чашу черные. Мэйдзин, как ни в чем не бывало, поднялся и вышел, никак не прокомментировав игру. Седьмой дан тоже молчал. Вот если бы он проиграл, то наверняка бы высказался.

Я вернулся к себе в номер и, невзначай выглянув в окно, заметил на скамейке седьмого дана, уже успевшего переодеться с поразительной быстротой. Скрестив руки и опустив побледневшее лицо, он сидел, мрачный и погруженный в раздумья, среди огромного пустынного сада, над которым нависали зимние вечерние тучи.

Я открыл стеклянную дверь на веранду и подозвал его: «Отакэ, Отакэ». Седьмой дан лишь раздраженно обернулся. Кажется, на глазах у него были слезы.

Только я отошел от окна, как ко мне заглянула супруга мэйдзина, чтобы поблагодарить:

— Спасибо вам огромное, вы ведь столько всего сделали.

Пока мы обменивались репликами, седьмой дан Отакэ ушел. И вскоре, опять переодевшись с той же быстротой, на этот раз в формальное кимоно с гербами, он вместе с женой отправился благодарить мэйдзина и распорядителей. Заглянул он и ко мне.

Я тоже отправился к мэйдзину с благодарностями.

---

¹ Сируко — японский десерт, каша из фасоли адзуки, которая подается вместе с пирожками из рисового теста — моти.

² Партия, описываемая в книге, в действительности состоялась между Хонъимбо Сюсаем и Китани Минору (1909–1975), одним из самых именитых японских игроков в го, который послужил прототипом седьмого дана Отакэ.

3

На следующий день все: и распорядители, и участники, спешно разъезжались домой после полугода игры. Как раз должны были пустить поезда между Атами и Ито.

Оживленная главная улица Ито, куда теперь вела железная дорога, пестрела новогодними украшениями, готовая принять новогодних визитеров на горячие источники. Я длительное время безвылазно пребывал в гостинице вместе с игроками, в «консервной банке», как говорится, и теперь возвращался домой на автобусе, а яркие украшения за окном дарили чувство освобождения, будто я наконец выбрался из пещеры. Даже выстроенные наспех дома и грунтовые дороги у новой станции в своем первозданном хаосе казались мне проявлениями живого внешнего мира.

Когда автобус покинул Ито и поехал вдоль берега моря, навстречу попадались женщины с вязанками хвороста на спине. Близился Новый год, и одни держали папоротник в руках. Другие несли его в вязанках вместе с хворостом. Вдруг я осознал, насколько соскучился по человеческому общению. Как будто после долгого горного перехода я наконец увидел дым, поднимавшийся от крыш людских домов. Я тосковал по повседневной жизни, по приготовлениям к Новому году. Ведь я только что покинул весьма необычную

обстановку. Женщины наверняка несли хворост, чтобы развести на нем огонь для обеда. Тусклое, словно не знакомое с лучами солнца, море вдруг приняло пасмурный, зимний оттенок.

В автобусе я вспомнил о мэйдзине. Может, по людям я и скучал оттого, что старый мэйдзин настолько запал мне в душу.

После того, как все разъехались, в гостинице Ито остались только мэйдзин и его супруга. Вряд ли «непобедимый мэйдзин» хотел задерживаться там, где проиграл свою прощальную партию. Да и чтобы отдохнуть и от игры, и от тревог за здоровье, следовало бы побыстрее переменить обстановку. Но все это его как будто не волновало. И распорядители, и я, репортер, при первой же возможности буквально сбежали из Ито. Мэйдзин же остался там один. А может, он, как обычно, сидел с отсутствующим видом, предоставив чужой фантазии приписывать неведомые ему уныние и печаль.

Седьмой дан Отакэ, его противник, уехал почти сразу. В отличие от бездетного мэйдзина, в доме у него было людно.

Года через два жена Отакэ написала мне, что у них живут «шестнадцать человек». Эти «шестнадцать» очень соответствуют характеру Отакэ, или скорее его стилю жизни, и мне захотелось навестить их. Я пришел выразить соболезнования по случаю смерти отца седьмого дана, когда вместо «шестнадцати» в доме осталось пятнадцать. Прошел месяц после похорон. То был мой первый визит: седьмой дан Отакэ отсутствовал, а его жена радостно проводила меня в приемную. Когда мы обменялись необходимыми любезностями, жена подошла к двери и сказала кому-то:

— Зовите всех.

С громким топотом в приемную выбежали пятеро или шестеро подростков. Они встали навытяжку. На-

верное, это были ученики седьмого дана, от двенадцати до двадцати лет от роду, но среди них затесалась высокая, крепкая, краснощекая девочка.

Жена Отакэ представила меня:

— Поздоровайтесь с сэнсэем.

Ученики стали кланяться как заведенные. Я почувствовал всю сердечность такого приема. И выглядело все не нарочито, а, напротив, крайне естественно. Вскоре ученики вышли из приемной, и теперь гул их голосов разносился по всему дому. По совету супруги я поднялся на второй этаж, где они играли тренировочные партии. Жена седьмого дана по очереди выносила им еду, и я засиделся допоздна.

Шестнадцать человек вместе с учениками. Седьмой дан был единственным молодым игроком, у которого уже было столько учеников. Конечно, в этом и коренилась популярность и достаток Отакэ. Но он любил их как семью.

Во время последней партии мэйдзина седьмой дан, сразу же вернувшись в номер, позвонил жене по телефону из «консервной банки»:

— Сегодня мы с сэнсэем доиграли до такого-то хода.

И хотя он из тактичности сообщал об игре только это, раз услышав голос седьмого дана из номера, я не мог не проникнуться к нему симпатией.